

Только он вернулся в свою комнату и не успел как следует усесться, как прибежал взмыленный слуга и передал, что старый господин в гневе сидит в главном зале и требует, чтобы он немедленно шёл и держал ответ.

У Шэнь Чжи сердце ухнуло в пятки, но творить какие-то пакости он уже не смел, оставалось лишь со страхом плестись в переднюю.

Войдя и заведя в руках у господина Шэня ту самую до боли знакомую бумагу, он вмиг ощутил, как у него наполовину остыла кровь.

— Ах ты ублюдок! А ну падай на колени!

Господина Шэня трясло от бешенства, а госпожа Шэнь тем временем горько плакала в сторонке.

Шэнь Чжи с глухим стуком рухнул на колени, заливаясь слезами и соплями:

— Отец! Я виноват перед вторым братом!.. Бейте меня!

— Бить тебя?! — Господин Шэнь вскочил на ноги, тыча в Шэнь Чжи дрожащим пальцем и брызжущ слюной. — Да если я ударю тебя, руки марать! С чего бы это я вырастил такое отродье, у которого совесть собакам скормлена?! Я же сизмальства твердил тебе: наш род Шэнь из поколения в поколение верой и правдой служил императору, в политические распри мы не лезем, в борьбу за власть не вмешиваемся — не вмешиваемся! А ты что?! Мало того что сам в это ввязался, так когда запахло жареным, взял — и отдал родного брата кому-то в качестве игрушки для утех! Больше у меня нет такого бессовестного сына! Вон! Пошёл вон! Проваливай из этого дома и чтоб ноги твоей здесь больше не было! Позора семьи Шэнь мне не снести, и после смерти я буду в ответе перед предками!

— Отец! Отец, умоляю, пощади меня! Я больше никогда не смею, отец! — Шэнь Чжи на коленях подполз ближе, захлёбываясь слезами. — Первый принц меня не отпустит! Отец, вам никак нельзя меня выгонять!

— Вон! Пошёл вон! — Господин Шэнь тяжело и прерывисто дышал от ярости. — Эй, кто там! Выволоките этого негодяя за порог! С сегодняшнего дня он больше не молодой господин семьи Шэнь! Вышвырните его куда подальше!

— Отец! Отец! Матушка, спасите меня, умоляйте за меня, матушка!..

Тем временем в резиденции Второго принца.

Шэнь Фань с довольным видом наблюдал, как шкала обиды, после того как его бессовестно изводили бессчётное число раз, упала до двадцати процентов и наконец замерла на нуле. Его

стройные ножки, обтянутые тугими штанинами, легко потерлись о бедро сидевшего рядом мужчины, и он, усмехнувшись, повернул голову. Прядки длинных черных волос скользнули с белоснежной груди.

— Провел с ним всю ночь, да? Старший брат поистине велик.

— Я говорил правду.

Чу Гэ, не моргнув глазом и не покраснев, накрутил на палец эту прядь волос и поднес к губам, целуя, но взгляд его не отрывался от Шэня Фаня:

— Разве нет?

Шэнь Фань посмотрел на него с таким видом и рассмеялся, согнув глаза:

— Говорят, при дворе есть несколько министров, которые изо всех сил пытаются возвысить тебя до статуса наследника престола. Они целыми днями расхваливают императору твои добродетели и таланты, благоразумие и знание ритуала, безупречную честность, несравненное достоинство, а также то, что ты не прельщаешься мирскими наслаждениями и не погряз в вине и разврате... На мой взгляд, стоит привести их сюда и показать, во что превратился Второй принц сейчас. Интересно, кто-нибудь из них после этого рискнул бы утверждать, что равных тебе нет ни на небе, ни на земле?

— Какое совпадение, у меня как раз те же мысли.

Услышав столь прямой ответ, Шэнь Фань даже растерялся и приподнял бровь:

— Ты хочешь объявить о наших отношениях всему миру?

Чу Гэ уже поцелуями продвинулся от той пряди волос к щеке Шэня Фаня, продолжая отшучиваться:

— Раз ты пользуешься милостью императорского дома, разве может у тебя не быть подобающего статуса? — Сказав это, он на мгновение замолк. — К тому же самое время отбить охоту у этих министров что-либо затевать. Каким бы ни был император, он никогда не позволит взойти на престол принцу, у которого не будет потомства.

Шэнь Фань всё же задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Почему тебе так не хочется занимать престол?

Чу Гэ, очевидно, не ожидал такого вопроса, но ответил без утайки и без всякого смущения:

— Находясь на высочайшей вершине, неизбежно окажешься связан со всех сторон тысячами нитей. Я человек с крайне сильным чувством контроля и собственничества, и мне не улыбается перспектива однажды обнаружить, что я не волен поступать по велению собственного сердца.

...Сильное чувство контроля и собственничества, значит... Шэнь Фань опустил взгляд на руки, стиснувшие его талию:

— Хм-м, заметно.

Когда его насильно вырвали из мира задания, Шэнь Фань пылал от ярости. Холодный взгляд мгновенно заставил парящую кровать системы замереть на месте:

— Без моего согласия кто позволил тебе это сделать?

Крупные глаза кровати системы расширились от неподдельной невинности:

— Я ведь тоже был пробужден насильно, у меня нет особых полномочий напрямую извлекать тебя из мира задания... Да быть того не может, с моими сородичами никогда не случалось подобного!

Шэнь Фань продолжал ледяным взором сверлить её.

Покатившись мелкой дрожью, кровать системы принялась мысленно причитать: как же пугает хост, который даже над собственным безумным любовником не смеет поиздеваться! — и дрожащими пальчиками принялась сканировать систему.

А затем Шэнь Фань увидел, как те огромные глаза остеклен...

— Это... Как такое возможно... Почему он не подчиняется моим командам... Каким образом... Почему он внезапно стал семенем души Материнского Мира...

Словно что-то вспомнив, Шэнь Фань резко переменялся в лице:

— Разве ты не говорил, что после завершения контракта Янь Хуайцзинь привязан к той же системе, что и я? Где он?

Глаза кровати системы пришли в себя, и она со страхом посмотрела на Шэня Фаня:

— Я сам толком не понимаю... Он покинул тот мир одновременно с вами, и энергия,

высвободившаяся при вашем уходе, полностью стерла те два тела вместе с душами... Подобное просто не может происходить с духовными колебаниями душ из таких Дочерних Миров, как ваш. Стойте... После ухода из того мира его душа внезапно превратилась в семя души Материнского Мира...

— Что еще за дочерние и материнские миры, что за семя души? Объясни толком.

Шэнь Фань к этому моменту уже взял себя в руки, и его острый взгляд впился в кровать системы.

Кровать системы замялась и пояснила:

— Материнский Мир — это место зарождения всех нас, систем. Верховный Бог Материнского Мира сотворил нас, и понятие семени души применимо только к богам Материнского Мира. Помимо него, и мир, откуда ты родом, и миры, где ты выполняешь задания — всё это Дочерние Миры, подконтрольные Материнскому Миру. Прежде я просил тебя о помощи ради того, чтобы ты выполнил все задания, в конце концов попал в Материнский Мир и обрел душу, обладающую семенем души. Хотя точное число заданий не знаю даже я... но если бы ты завершил их все, и ты, и я получили бы такое право. Однако он...

Голос здесь сорвался на резкую дрожь, и в тех огромных глазах отразилась рябь:

— Тот человек по имени Янь Хуайцзинь, когда покидал мир задания, внезапно обрел семя души Материнского Мира — пусть и неполное... Но это неполное семя души настолько — настолько... до ужаса мощное! Я никогда прежде не видел столь бурной энергии...

Подавив внутреннее изумление, Шэнь Фань продолжил расспросы:

— Раз уж ты утверждал, что мы получим повышение, выполнив все задания, возможно ли, что ему требовалось выполнить всего одно?

На этот раз кровати системы потребовалось куда больше времени на отклик:

— Нет... Хотя сейчас он пребывает в некой недоступной для наблюдения независимой форме, я чувствую связующие нас с ним узы контракта. Вы связаны общим заданием: лишь когда ты выполнишь все свои задания, обретишь семя души и вознесешься в Материнский Мир, он сможет последовать туда вместе с тобой. Он...

Кровать системы, казалось, хотела сказать что-то еще, но её взгляд снова внезапно остекленел. Спустя всего секунду она вернулась в норму, однако в глубине тех огромных глаз в течение этой секунды родилось и затаилось глубокое, почти абсолютное животное преклонение перед ужасом.

К сожалению, погруженный в собственные мысли Шэнь Фань ничего этого не заметил.

Спустя долгое время он выдохнул облачко сжатого воздуха:

— Ладно, в любом случае, попав в следующий мир, я смогу его увидеть. Глава 8. Странствия юноши (Часть 1)

Второе задание Шэня Фаня перенесло его не просто в современность — оно вернуло его в учебные заведения, по которым он давно успел соскучиться.

Главных героев в этом мире было двое: Тан Юйань и Ли Нин. Тан Юйань обладал выдающимся происхождением и являлся типичным мажором. В школе он всегда ставил последнее слово за собой, за ним повсюду следовала толпа подражателей, а учителя наперебой старались ему угодить. Ли Нин же происходил из самой обычной семьи, отличался тяжелым характером, был холоден с окружающими и совершенно не умел сходитьсь с людьми. Казалось бы, у столь разных парней не могло быть точек соприкосновения, но в этом мире Тан Юйань питал к Ли Нину особую слабость, оберегая его от любых невзгод. И хотя между ними не раз возникали трения, в конце концов они сошлись благодаря искренней и глубокой страсти Тан Юйаня.

Что же до новой личины Шэня Фаня — Гу Цзиня — он приходился одним из тех самых камней преткновения между главными героями. Сам Гу Цзинь тоже считался парнем из богатой семьи, правда, нравом обладал весьма сомнительным. Он изо всех сил пытался зацепиться за влиятельного Тан Юйаня и еще до появления Ли Нина действительно пустился со всеми возможными ухищрениями во все тяжкие, крутя с ним шашни. В глазах Тан Юйаня он занимал место этакой живой куклы, к которой обращаются в определенные моменты, когда возникает потребность сбросить накопившуюся похоть: садись сверху и двигайся сам.

Задание же Шэня Фаня на этот раз было донельзя простым... Разрушить канон.

Момент появления Шэня Фаня в новом мире выдался на редкость удачным — akurat в тот вечер, когда Гу Цзинь должен был приступить к процедуре садись сверху и двигайся сам.

Глядя на хрупкого, потрясающе красивого юношу в зеркале ванной и мысленно вспоминая образ Ли Нина из карточки задания, Шэнь Фань никак не мог взять в толк, отчего на свете встречаются столь слепые люди, как Тан Юйань.

— Что ж, видимо, я и впрямь столь легкомысленен. — Шэнь Фань подарил отражению в зеркале лучезарную улыбку.

Эта легкая улыбка змейкой скользнула по слегка приподнятым уголкам глаз юноши, расплываясь по лицу с чарующей, соблазняющей смертных привлекательностью лесного демона.

Набросив махровый халат и туго затянув пояс, он вышел из ванной с влажными волосами.

Перед глазами предстал роскошно обставленный VIP-люкс гостиницы. Мужчина, полулежавший на диване, покачивал бокал с красным вином и перевел взгляд. Первое, что он увидел, — это появившийся из ванной молодой человек: идеальные изгибы икр под шелковым халатом, ступающие по ковру босые ноги с розоватыми ногтями и белой, как слоновая кость, кожей.

Но стоило мужчине поднять голову и заметить в глазах парня непривычный для него прежде мрачный блеск, а на губах — утонченную, но завораживающую улыбку, как его сердце пропустило удар.

Знакомо... До боли знакомо.

Шэнь Фань же в этот момент испытывал жгучую радость: хотя еще до выхода он на многое надеялся, когда это действительно произошло, на душе стало невероятно легко. Стоило Янь Хуайцзиню появиться не плоской картинкой с карточки задания, а живым, как Шэнь Фань всем существом ощущал глубокую, пронизывающую душу дрожь.

Вот только эта радость больно резанула по глазам мужчины.

Ну конечно, перед ним всё тот же стремящийся к выгоде любой ценой Гу Цзинь. Это у него в глазах от усталости двоилось, раз ему показалось, будто что-то изменилось.

Мужчина больше не хотел смотреть на него и вернул взгляд к своему бокалу.

— ...Давай прямо здесь.

Это небрежное и даже полное безразличия тоно успешно выдернуло Шэнь Фаня из эйфории от воссоединения.

Всего несколько дней назад тот самый человек расчесывал ему волосы и завязывал ленты, а теперь всё обнулилось: в глазах этого мужчины он сейчас, должно быть, не более чем шлюха.

Гнев на дне души пришлось силой подавить. Шэнь Фань легко улыбнулся, подошел к мужчине, остановился и наклонился.

Тан Юйань думал, что Гу Цзинь начнет с поцелуя, против которого он почему-то даже не возражал.

Пушистые ресницы, похожие на изящные веера, казалось, вот-вот коснутся кожи, манящие розоватые губы были совсем близко, но Тан Юйань предельно ясно услышал мягкие слова Шэнь Фаня и отчетливо разглядел эмоции в карих глазах напротив:

— Простите, дверью ошибся.

Сказав это, Шэнь Фань без малейших колебаний развернулся и пошел к выходу.

Уже у дверей он обернулся, одарив сидевшего на диване и глядящего на него ледяным взглядом мужчину всё той же улыбкой. Его взгляд мимоходом скользнул ниже пояса Тан Юйаня, и глаза Шэнь Фаня согнулись в лучиках:

— Желаю приятно познакомиться в одиночестве.

Затем дверь с грохотом захлопнулась, и Тан Юйань остался стоять, в полном изумлении наблюдая, как человек ускользает прямо из-под его носа.

Хотя к этому парню он испытывал в основном раздражение, сейчас Тан Юйань почувствовал, как в груди зарождается какая-то странная пустота из-за ускользнувшей возможности.

Черт побери... Тан Юйань отвел взгляд и только собрался подняться, как стоявший рядом телефон в комнате зазвонил.

Тан Юйань поднял трубку.

— Здравствуйте, господин Тан. Ваш возлюбленный только что заказал у нас семь видов «особых услуг», но персонал гостиницы его остановил. Не могли бы вы спуститься и разобраться?

— ...

Тан Юйань швырнул трубку обратно на аппарат и снова откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

Однако это не помогало отделаться от звучащего в голове голоса юноши и его взгляда, похожего на острый крючок.

Эта игра в недоступность разыграна не сказать чтобы умно, но он почему-то всё равно попался на удочку.

— Гу Цзинь...

Шепот, похожий на бормотание себе под нос, растаял в тишине комнаты.

В университете Гу Цзинь изучал журналистику, что для Шэнь Фаня было совершенно незнакомой сферой. Вдобавок к этому прежний владлец тела ради того, чтобы подбиться к Тан Юйаня, целый семестр прослушал курсы на совершенно чужом финансовом факультете. И теперь, получив новенькие учебники, чистые тетради и глядя на список предстоящих экзаменов, Шэнь Фань чувствовал лишь, что голова идет кругом.

Хотя успеваемость Гу Цзиня изначально была ниже плинтуса, Шэнь Фань, обладавший изрядной долей перфекционизма, никоим образом не мог пустить дело на самотек.

Поэтому, недолго думая, Шэнь Фань позвонил домой. Причины для смены специальности он изложил матери так убедительно, что та решила: отказ будет равносильен разрушению жизни ребенка. Положив трубку, он тут же совершил еще один звонок — и вот так, под самый конец семестра, Шэнь Фань перевелся в первый класс специальности «Деловое администрирование» финансового факультета.

И заодно стал одноклассником Тан Юйаня.

Ах да, еще и Линь Нина.

Хотя благодаря лицу Гу Цзиня он за полсеместра вольного посещения уже успел примелькаться студентам-бакалаврам делового администрирования, базовое представление о себе всё же было необходимо.

С бесстрастным выражением лица Шэнь Фань поднялся на кафедру, повернулся к аудитории и

остановил взгляд на Линь Нине. В уголках его глаз медленно распустилась невероятно заразительная улыбка:

— Я Гу Цзинь, и уверен, вы все уже меня знаете.

Встретив некоторые взгляды — то полные восхищения, то недоброжелательные, — Шэнь Фань продолжал улыбаться:

— А еще я уверен, что никто из вас меня не забудет.

После этих слов в огромной аудитории воцарилась абсолютная тишина.

Пока не раздались звонкие хлопки.

Все перевели взгляды к последнему ряду. Тан Юйань в бежевом тренче полулежал там, уголки его губ лениво кривились в усмешке, в которой сквозило нечто дерзкое и опасное, а поднятая рука продолжала лениво и размеренно отбивать удары.

Вслед за этим по аудитории прокатилась волна аплодисментов.

Под эти звуки Шэнь Фань неторопливой поступью сошел с кафедры, направляясь прямо и безошибочно — нацелившись ровно на Линь Нина. Он стоял перед юношей, которого с натяжкой можно было назвать миловидным, с мягкой улыбкой, вот только слова, слетавшие с его губ, не имели с мягкостью ничего общего.

Шэнь Фань протянул правую руку — его пальцы, такие же красивые, как и у самого хозяина, похожие на нежные и ровные луковички молодого зеленого лука, — прямо перед задравшим голову Линь Нином.

— Давай познакомимся, я твой соперник в любви.

Его приятный голос ошеломил всех в аудитории.

Даже Тан Юйань, сидевший далеко на последнем ряду, сузил глаза и замер, пристально глядя на него.

Вот только окружающие были поражены тем, какая же девушка смогла заставить Гу Цзиня, во всех отношениях весьма перспективного парня, сменить специальность и побежать следом, да и сама конкуренция казалась чересчур открытой. Тан Юйань же испытывал некоторое любопытство: откуда этот Гу Цзинь узнал, что он проявляет к Линь Нину определенный интерес, да еще и согласился ради него совершить односторонний каминг-аут?

Впрочем, вспомнив поведение некоего человека пару ночей назад, Тан Юйань даже не счёл это чем-то удивительным.

Разве он не всегда был таким?

Правда, в этот момент Тан Юйань, чьи чувства были немного сложными, даже не успел подумать о том, почему это он использовал такое близкое слово — всегда.

Линь Нинь тоже опешил. Придя в себя, он слегка изменился в лице и недовольно произнес:

— Вы ошиблись человеком.

Шэнь Фань знал, что хотя Линь Нинь и Тан Юйань еще до конца не определились в своих чувствах друг к другу, они уже подошли к критической точке отношений на уровне друзей. Увидев, что Линь Нинь всё отрицает, он ничуть не смутился, улыбнулся и повернулся. Под градом изумленных взглядов он подошел к Тан Юйаню и мягко сбросил тяжелую бомбу:

— Похоже, мы с тобой оба безответно влюблены. Раз уж он отказывается признавать это, почему бы тебе не посмотреть в другую сторону?

Тан Юйань тоже не обращал внимания на перемены в выражениях лиц окружающих, однако куда больше его озадачивало другое: на отрицание Линь Нина он не отреагировал почти никак — по крайней мере, это шло ни в какое сравнение с яростным импульсом приподнять за подбородок стоящего перед ним юношу, прижать к стене и страстно зацеловать эти глаза и светлые губы.

Впрочем, это побуждение Тан Юйань без колебаний подавил. Он перевел взгляд на Линь Нина, окинул взглядом его несколько смущенное выражение лица, а затем неторопливо повернулся обратно:

— Прости, но к тем, кто сам идет мне в руки, я обычно не испытываю никакого интереса.

Зрачки Шэнь Фаня резко сузились.

Тан Юйаню даже показалось, что на мгновение этот человек был глубоко уязвлен его словами. Однако, прежде чем он успел разобраться, не обман ли это чувств, стоящий перед ним человек вновь изогнул губы в улыбке:

— Что ж, тогда тебе лучше молиться, чтобы тот, кого ты хочешь заполучить, не думал точно так же.

Эти слова никто и не пытался скрывать, разумеется, их слышали почти все. Как только смолк их хвост, лицо стоявшей у доски Линь Нин мгновенно побледнело.

Тан Юйань опустил веки, пряча бушующие в глазах эмоции, и загадочно улыбнулся:

— ...Конечно, он так не думает.

Долетев до ушей Шэнь Фаня, эти слова прозвучали как абсолютная идиллия взаимной страсти.

Мысль о том, что он «похоже, опоздал», заставила в глазах Шэнь Фаня мелькнуть мрачную злобу. Успокоившись лишь спустя какое-то время, под взглядами большинства однокурсников, уже превратившихся в зрителей спектакля, он быстро чмокнул Тан Юйаня в губы:

— Ну и вкус у тебя.

Сказав это, он тут же скрылся.

Зрители вновь остолбенели.

Много позже студенты первого курса факультета управления, вспоминая об этом, неизменно вздыхали: Гу Цзинь был прав, они все верили, что никогда в жизни этого не забудут.

А сам Тан Юйань при воспоминании об этом неизменно делал несколько сложное выражение лица: хотя довести до белого каления котика, который вечно строил из себя элегантность, было забавно, но вот то обстоятельство, что с виду мягкий поцелуй на деле обернулся жестоким укусом... кому об этом рассказать?

Поскольку перевод на другую специальность был оформлен в спешке, общежитие Шэнь Фань сменить еще не успел. Когда он вернулся вечером, Чжао Вэньчжо — сосед по комнате, который вечно пропадал неизвестно где, но при этом был ближе всех к прежнему владельцу тела, — с воплями и рыданиями бросился к нему:

— Брат, спаси меня! Старый извращенец хочет продать меня в рабство! А-а-а-а!

Шэнь Фань прекрасно знал, кого Чжао Вэньчжо называл старым извращенцем, — это был главный редактор газеты, в которой Чжао Вэньчжо вечно проходил стажировку.

Шэнь Фань не стал уворачиваться и лишь спросил:

— Какое задание он тебе на этот раз дал?

— Он... он, представь себе, требует, чтобы я притворился мальчиком по вызову и разведал обстановку в том ночном клубе! А-а-а-а! Скажи, разве он не извращенец?! У-у-у!

— Ты можешь говорить без звукоподражаний? — Шэнь Фань оттолкнул прильнувшее к нему лицо. — Впрочем, ваш главред и правда перегибает палку.

Чжао Вэньчжо горячо закивал:

— Вот именно!

Воспользовавшись моментом, Шэнь Фань отступил на метр и только тогда продолжил:

— Ему следовало бы взглянуть на твою физиономию: чтобы клиенты клюнули, тебе придется еще и доплачивать им из своего кармана.

Чжао Вэньчжо:

— ...

<http://bllate.org/book/21680/2236412>